

Ж. Верн

От Земли до Луны

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.3
ББК 84-4
В35

В35 **Верн Ж.**
От Земли до Луны / Ж. Верн – М.: Книга по Требованию, 2023. – 462 с.

ISBN 978-5-458-10883-6

Сочинение Жюль Верна. С рисунками художников А.де-Невилля и Эмиля Баяра. Издание второе.

ISBN 978-5-458-10883-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

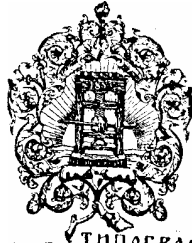
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint



ПЕЧАТЬ типографии
Т-ва М. О ВОЛЬФЪ
Петроградъ Вас остр 16 линия соб. домъ

ГЛАВА I.

Пушечный клубъ.

Во время междоусобной войны въ Соединенных Штатахъ, въ Бальтиморе, главномъ городе штата Мерилендъ, образовался весьма влиятельный новый клубъ. Известно, съ какой силой развился военный духъ американцевъ — этого народа судопромышленниковъ, торговцевъ и механиковъ. Простые купцы бросили свои конторы, чтобы сделаться капитанами, полковниками и генералами, не прослушавъ предварительно курса въ военномъ училище. За короткое время они въ военномъ искусстве сравнялись со своими собратьями Старого Света и съ немалымъ успехомъ побеждали, не щадя снарядовъ, денегъ, а, главное, людей.

Въ науки метания снарядовъ — баллистике американцы даже превзошли европейцевъ. Нельзя сказать, чтобы ихъ орудия были совершенные; но они выделялись столь громадныхъ размеровъ, что

снаряды пролетали неслыханное до того времени расстояние. Относительно прицела, навесного, рикошетного и перекрестного огня англичанамъ, французамъ и пруссакамъ у американцевъ, конечно, нечему было учиться. Но пушки, гаубицы и мортиры европейцевъ кажутся карманными пистолетами въ сравнение съ громадными орудиями американской артиллерии.

Это никого не должно удивлять. Янки *) — первые механики ') Прозвище американцевъ, данное имъ англичанами въ насмешку, по потомъ получившее право гражданства.

Въ мире, они такъ же родятся инженерами, какъ итальянцы музыкантами, а немцы — метафизиками. Не удивительно, поэтому, что и въ баллистике они обнаружили смелую, до дерзости, изобретательность. Вотъ почему они имеютъ исполинские пушки, гораздо менѣе полезные, чѣмъ ихъ швейныѣ машины, но столь же достойные удивления. Известны чудеса въ этой области, произведенные американцами Парротомъ, Дальгреномъ и Родманомъ. Изобретения ихъ европейскихъ коллегъ Армстронга, Пализера и Трей-де-Болье должны спасовать передъ изделиями ихъ заморскихъ соперниковъ.

Во время страшной войны северянъ съ южанами, артиллеристы занимали высокое место; газеты въ восторгомъ восхваляли ихъ изобретения, и не было ни одного даже мелкого купца, ни одного наивного буби (праздношатающегося,) который не ломалъ бы головы надъ вычислениемъ неимоверныхъ метательныхъ снарядовъ.

Если американецъ имеетъ идею, онъ ищетъ другого американца, разделяющего ее. Когда ихъ соберется трое, они избираютъ председателя и двухъ секретарей. Соединившись вчетверомъ, они имеютъ делопроизводителя и канцелярию. Впятеромъ сзываютъ общее собрание, — и клубъ готовъ. То же самое

случилось и въ Бальтиморе. Одинъ изобретатель новой пушки объединился съ первымъ, кто ее отлилъ, и первымъ, кто ее просверлилъ. Это было ячейкой Пушечнаго клуба. Черезъ месяцъ после образования клуба въ него входило 1833 действительныхъ членовъ и 35,075 членовъ-сореvнователей.

Непременное условие вступления кого-либо въ члены клуба состояло въ томъ, чтобы онъ изобрелъ или, по крайней мере, усовершенствовалъ орудие, или хотя бы какое-нибудь огнестрельное оружие. Нужно сознаться, что изобретатели 15-зарядныхъ револьверовъ, „оригинальных" ружей, или сабель-пистолетовъ — не пользовались большимъ уваженiемъ. Артиллеристы одерживали надъ ними верхъ во всехъ отношенiяхъ.

— Уважение, которымъ пользуются члены артиллеристы, — сказали однажды одинъ изъ самыхъ ученыхъ ораторовъ клуба, — пропорционально массамъ орудий и квадрату расстояния, пролетаемого ихъ снарядами!

Такимъ образомъ, законъ Ньютона о всеобщемъ тяготении былъ перенесенъ хватившимъ черезъ край ораторомъ въ духовный мире человека.

Легко представить себе, что произвелъ изобретательный духъ американцевъ после основанiя Пушечнаго клуба. Военные орудия приняли исполинские размеры, снаряды перелетали вычисленные и допускаемые пределы, рассекая пополамъ гуляющихъ людей. Пушка Родмана, стрелявшая на расстояние 7 миль (около 11 верстъ) ядромъ весомъ въ полтонны (30 пудовъ), легко поражала 150 лошадей и 300 человекъ. Въ Пушечномъ клубе; былъ даже поднятъ вопросъ о томъ, чтобы проделать съ этой пушкой торжественный опытъ. Но если лошади и согласились бы принять участие въ опыте, то людей для него, къ сожалению, не находилось.

Какъ бы то ни было, действовали такие пушки чрезвычайно убийственно и отъ выстреловъ люди падали на поле битвы, словно колосья подъ серпомъ. Что значили въ сравнении съ ядрами этихъ пушекъ знаменитые снаряды, которые въ битве при Кутра, въ 1587 г., выводили изъ строя по 25 человекъ? Или снарядъ, убивший въ 1758 г. при Цорндорфе 40 пехотныхъ солдатъ. Или австрийская пушка, которая въ 1752 г. опрокидывала въ сраженіи при Кессельсдорфе разомъ 70 враговъ? Что значить удивительный огонь Іены или Аустерлица, решивший судьбу сражения? Во время американской войны случалось видеть кое-что и почище. Въ сражении у Геттисбурга конически снарядъ, которымъ выстрелили изъ нарезного орудія, убилъ 173 человека! При переправе черезъ р. Потомокъ ядро Родмана отправило въ лучший, повидимому, миръ 215 южанъ. Надобно также упомянуть о громадной мортире, изобретенной I. Т. Мастономъ, выдающимся членомъ и бессменнымъ секретаремъ Пушечнаго клуба. При опыте она умертвила 337 человекъ, впрочемъ, не снарядомъ, а осколками самой же разорвавшейся мортиры.

Что еще прибавить къ этимъ цифрамъ, которые сами говорятъ за себя? Ничего. Поэтому можно бесприкословно допустить следующий расчетъ статистика Питкерна. Если разделить число жертвъ войны, павшихъ отъ артиллерійскаго огня, на число членовъ Пушечнаго клуба, то окажется, что каждый изъ нихъ „убилъ" въ среднемъ 2375 человекъ съ дробью.

Ясно, такимъ образомъ, что единственная забота этого ученого общества заключалась въ уничтоженіи человечества съ филантропическою целью при помощи усовершенствованныхъ военныхъ орудій, являющихся, следовательно, по мнению членовъ клуба, орудіями цивилизации.

Нужно прибавить, что члены клуба не ограничились одной теоріей артиллерійскаго дела, а действовали также и лично. Между ними находились

офицеры ВСЕХЪ чиновъ, отъ поручика до генерала, военные всехъ возрастовъ — только что начавшие карьеру и уже состарившиеся на службе. Многие остались на поле битвы, и ихъ имена красуются въ почетныхъ книгахъ Пушечного клуба, а изъ техъ, которые вернулись, большинство имело неоспоримые знаки храбрости. Костыли, деревянные ноги, искусственные руки, каучуковые челюсти, платиновые носы,— все это можно было найти у членовъ клуба. Вышеупомянутый Питкернаъ рассчиталъ также, что въ Пушечномъ клубе приходилось по одной, и то не совсем ЦЕЛОЙ, руке на четверыхъ и только по две ноги на шестерыхъ.

Но храбрыхъ артиллеристовъ это мало трогало. Гораздо более ихъ интересовало получить известие, что въ сражении число жертвъ было вдесятеро больше количества выпущенныхъ снарядовъ.

Въ одинъ день, грустный и печальный для членовъ Пушечного клуба, былъ подписанъ миръ. Пальба прекратилась, орудия умолкли, снаряды были сложены въ паркахъ. Кровавые воспоминания изгладились, хлопчатникъ началъ роскошно расти на поляхъ, обильно удобренныхъ; траурные платья износились и исчезли вместе съ скорбями. Пушечный клубъ былъ обреченъ на совершенную бездеятельность.

Некоторые трудолюбивые члены все-таки продолжали заниматься баллистическими расчетами; они все еще мечтали объ исполинскихъ бомбахъ и невиданныхъ гаубицахъ. Но къ чему были всъ эти теории безъ практики? Залы клуба опустели, слуги спали въ переднихъ, журналы покрывались плесенью, по угламъ слышалось храпенье; члены клуба, некогда столь шумные, были теперь обречены на молчание и засыпали, предаваясь платоническимъ мечтамъ объ идеальной артиллерии.

— Это ужасно, — сказалъ однажды въ курительной комнате клуба храбрый Томъ Гентеръ,

вытянувъ свои деревянные ноги къ самому камину и не замечая, что онъ начали обугливаться. — Нечего делать! Нечего надеяться! Какое томительное существование! Где ТЕ времена, когда пушки пробуждали васъ каждое утро своей веселой пальбой?

— Это время миновало, — отвечалъ горячо Бильсби, стараясь вытянуть руку, которой у него не было. — Тогда было весело! Изобретатели гаубицъ спешили испытать ихъ надъ врагами и затемъ возвращались въ лагерь съ одобрениемъ Шермана или съ рукопожатиемъ Макъ-Клелана! Но теперь генералы возвратились въ свои конторы, и вместо ядеръ они отправляютъ безвредные тюки хлопчатой бумаги! Будущность артиллерии погибла въ Америке!

— Да, Бильсби, — воскликнулъ полковникъ Блемсбери: — ужасное разочарование! Бросаешь мирные свои привычки, упражняешься въ употреблении оружия, сменяешь Бальтимору на поле битвы, совершаешь геройские подвиги и все для того, чтобы черезъ два, три года засунуть руки въ карманы и бездельничать!

Говоря это, воинствующий полковникъ несколько увлекся: при всемъ желании онъ не могъ засунуть рукъ въ карманы, такъ какъ рукъ то у него и не было.

— И ведь НЕТЪ никакой войны въ виду! — сказала знаменитый Масто́нь, царапая железнымъ крючкомъ своей бывшей руки гуттаперчевый черепъ. — На горизонте НЕТЪ ни одного облака, и это въ то время, когда можно сделать такъ много въ артиллерйскомъ искусстве! Вотъ я, напримеръ, только что окончилъ чертежъ мортиры, которая должна изменить законы войны!

— Бъ самомъ деле? — возразилъ Томъ Гентеръ, невольно вспоминая о последнемъ ОПЫТЕ почтеннаго Масто́на.

— Действительно, — отвечалъ последний. — Но къ чему ВСЕ эти исследования, потребовавшіе столько работы? Не значить ли это работать совершенно попусту? Артиллеристы Нового Света, кажется, дали себе слово жить въ мире. Недаромъ наша воинственная „Трибуна“ (самый яростный журналъ сторонниковъ войны) предсказываетъ близкую катастрофу вследствие nepозволительнаго увеличенія народонаселенія! — Впрочемъ, Мастонъ, — возразилъ полковникъ Блемсбери, — въ Европе постоянно сражаются, чтобы поддержать принципъ національности!

— Ну, такъ что же?

— Да, пожалуй, можно испытать тамъ что-нибудь, и если примутъ наши услуги...

— Что вы толкуете? - воскликнулъ Бильсби. — Заниматься баллистикой въ подъзу чужеземцев!

— Это все-таки лучше, чѣмъ ничего не дѣлать, — возразилъ полковникъ.

— Конечно, — сказалъ Мастонъ: — это лучше, но о такомъ средствѣ нечего и помышлять.

— Отчего же это? — спросилъ полковникъ.

— Потому что въ Старомъ Свѣтѣ держатся идеи повышенія въ чинѣ, противныхъ нашимъ американскимъ привычкамъ. Тамъ люди воображаютъ, что нельзя сдѣлаться генераломъ, не прослуживъ сначала подпоручикомъ! Это все равно, если сказать, что нельзя умѣть хорошо наводить пушку, не выливъ предварительно самой пушки! То есть, это просто...

— Бессмыслица! - закончилъ Томъ Гентеръ, подрѣзая ручку кресла своимъ большимъ ножомъ. — При такомъ положеніи дѣлъ, намъ остается только разводить табакъ или топить китовый жиръ.

— Какъ! - воскликнулъ Мастонъ громовымъ голосомъ. — Послѣдніе годы нашего существованія мы не употребимъ на усовершенствованіе огнестрѣльныхъ орудій? И намъ не представится случая для испытанія дальнобойности нашихъ снарядовъ? Воздухъ болѣе не

озарится огнемъ нашихъ пушекъ? Неужели не явится международного затрудненія, которое дало бы возможность объявить войну какому-нибудь заатлантическому государству? Неужели французы не потопятъ ни одного изъ нашихъ пароходовъ, или англичане не повѣсятъ, вопреки международному праву, трехъ или четырехъ нашихъ соотечественниковъ?

— Нѣтъ, Мастонъ, — отвѣчалъ полковникъ Блемсбери, — этого не будетъ! А если это и совершится, то мы такимъ случаемъ не воспользуемся! Щепетильность американцевъ слабѣетъ день ото дня, и мы становимся бабами!

— Да, мы унижаемся! — подтвердилъ Бильсби.

— И насъ унижаютъ! - прибавилъ Томъ Гентеръ.

— Все это правда, — произнесъ Мастонъ пылко. — Есть множество причинъ вести войну, и она не начинается! Дорожать руками и ногами, и все это въ пользу людей, которые не знаютъ, что съ ними дѣлать дѣлать! Да вотъ, посмотрите, намъ не нужно далеко искать поводовъ къ войнѣ: развѣ Сѣверная Америка не принадлежала прежде англичанамъ?

— Конечно, — сказалъ Томъ Гентеръ, свирѣпо ворочая угли въ каминъ своимъ костылемъ.

— Ну, вотъ! - продолжалъ Мастонъ, - почему же Англія въ свою очередь не могла бы принадлежать американцамъ?

— Это было бы совершенно справедливо, — сказалъ полковникъ Блемсбери.

— Идите предложите это президенту Соединенныхъ Штатовъ, и вы увидите, какъ онъ васъ приметъ, - закричалъ Мастонъ.

— Онъ приметъ насъ очень дурно, - пробормоталъ Бильсби сквозь четыре зуба, которые у него уцѣлѣли послѣ войны.

— Увѣряю васъ, при слѣдующихъ выборахъ онъ не можетъ рассчитывать на мой голосъ, — заявилъ Мастонъ.

— И наши также, — единогласно добавили воинственные инвалиды.

— Въ заключеніе, я долженъ сказать, — продолжалъ Мастонъ, — что если мнѣ не доставятъ случая испытать, новую мортиру на полѣ сраженія, я выйду изъ числа членовъ Пушечнаго клуба и заживо погребу себя въ саваннахъ Арканзаса.

— Мы послѣдуемъ за вами, — отвѣчали собесѣдники мужественному Мастону.

Вотъ въ какомъ положеніи были дѣла. Недоводство увеличивалось все болѣе, и клубу угрожала опасность распадения. Но неожиданное событіе предотвратило эту грустную катастрофу.

На другой день послѣ описанной бесѣды, каждый изъ членовъ клуба получилъ слѣдующее извѣщеніе:

„Бальтимора, 2-го октября.

Предсѣдатель Пушечнаго клуба имѣтъ честь сообщить г. членамъ, что въ засѣданіи 5-го числа нынѣшняго мѣсяца онъ сдѣлаетъ имъ сообщеніе, имѣющее для всѣхъ живѣйшій интересъ. Поэтому онъ убѣдительно проситъ прибыть, по настоящему приглашенію, оставивъ всѣ свои неотложные дѣла.

Искренно преданный

Импи Барбикенъ, предсѣдатель Пушечнаго клуба".

ГЛАВА II.

Сообщение председателя Барбикена.

Пятого октября, въ 8 часовъ вечера, громадная толпа собралась въ залахъ Пушечнаго клуба. Всѣ члены, находившіеся въ Бальтиморе, явились по приглашению председателя. Что же касается членовъ-соревнователей, то они сотнями прибывали въ городъ, и, какъ ни велики были залы засѣдания, такое множество народа не могло уместиться въ нихъ. Оттого огромное количество членовъ толпилось въ соседнихъ залахъ, проходахъ и даже на дворе. Каждый старался занять первое место, стремясь поскорее узнать важное сообщеніе председателя. Все толкались, давили другъ друга, пользуясь свободой действий, свойственной массамъ, воспитаннымъ въ духе самоуправления.

Въ этотъ вечеръ приезжий, въ Бальтимору, ни за какие деньги не могъ бы проникнуть въ залъ засѣданій. Залъ былъ предоставленъ исключительно членамъ, живущимъ въ Бальтиморе, и членамъ-соревнователямъ; никто другой не могъ войти въ него, и даже местные власти и члены городского самоуправления должны были стоять въ ТОЛПЕ и ловить налету СВЕДЕНІЯ о томъ, что делается внутри зданія.

Громадный залъ представлялъ весьма любопытное зрелище. Это помещеніе удивительно соответствовало своему назначенію. Высокіе колонны изъ пушечныхъ стволовъ, вставленныхъ одинъ въ другой, опирались на толстыя мортиры и поддерживали своды. Мушкеты, ружья, карабины и всякаго рода старинное огнестрельное оружіе живописно украшали стены. Газъ лился изъ тысячи револьверовъ,